

Содержание

ВВЕДЕНИЕ · 9

ФИЛОСОФИЯ ДЕНЕГ

В. МАЗИН. Значение и различие денег · 15

Е. ИВАНЕНКО. Fiat victim! Жертва как фиатная величина в горизонте биополитики · 41

М. КОРЕЦКАЯ. Экономика жертвы и жизнь как ценность: sacra/nuda/dolce vita · 61

Г. ТУЛЬЧИНСКИЙ. Глубокая семиотика и герменевтика денег · 81

ПРИРОДА ДЕНЕГ

А. ДУБЯНСКИЙ. Теории происхождения денег в контексте современной монетарной теории и практики · 93

П. ТЕРЕЩЕНКО. Бесконечный долг: воспевая отчуждение · 118

В. УШАНКОВ. Институциональная природа счетных денег · 140

ДЕНЬГИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

N. DODD. Universal basic income and the theory of money · 171

К. МОНДЭЙ. Криптоутопии наступают: идеологии криптовалюты в России и Южной Корее · 196

А. ЗАОСТРОВЦЕВ. «Война с наличностью» и ее цена · 230

ДЕНЬГИ И ПРОЦЕНТ В ИСТОРИИ

- Е. Гущина. Этика процента: взгляд средневекового монаха (на примере трудов Франсеска Эшимениса) · 249
- Д. Расков. Джон Локк о деньгах и проценте · 281
- Д. Кадочников. Дискуссии о международных денежно-кредитных отношениях в 1940–1970-х годах · 307
- П. Лукичев. Деньги и этика: независимы ли эксперты? Судьба первого российского эндаумента · 342

ДЕНЬГИ И ИСКУССТВО

- А. Погребняк. Фамиллионер, или О «подлости, совершенно бескорыстной» · 359
- Г. Лайус. Коллекция как приостановка: как возможна профанация денег? · 390
- О. Давыдова. «Прямое кино»: коммодификация идеи объективности · 407

Contents

PREFACE · 9

PHILOSOPHY OF MONEY

V. MAZIN. The meaning and distinction of money · 15

E. IVANENKO. Fiat victim! The victim as a fiat value
in the horizon of biopolitics · 41

M. KORETSKAYA. Economics of sacrifice and life
as value: *vita sacra/nuda vita/dolce vita* · 61

G. TULCHINSKII. Deep semiotics and hermeneutics
in the money phenomenon analysis · 81

ORIGIN OF MONEY

A. DUBYANSKIY. Theories of the origin of money
in the context of modern monetary theory
and practice · 93

P. TERESHCHENKO. Eternal debt: glorifying
alienation · 118

V. USHANKOV. Institutional nature of accountable
money · 140

MONEY AND MODERNITY

N. DODD. Universal basic income and the theory
of money · 171

C. MONDAY. Crypto-utopias on the march: ideologies
of crypto-currency in Russia and South Korea · 196

A. ZAOSTROVTSSEV. «War on cash» and its costs · 230

MONEY AND INTEREST IN HISTORY

- E. GUSCHINA. Ethics of interest rate: medieval monk's approach (an example of Francisc Eiximenis's works) · 249
- D. RASKOV. John Locke on money and interest · 281
- D. KADOCHNIKOV. Discussions on international monetary relations in the 1940s and 1970s · 307
- P. LUKICHEV. Money and ethics: are experts independent? (The fate of the first russian endowment) · 342

MONEY AND ART

- A. POGREBNIYAK. Famillionaire, or On "meanness, perfectly disinterested" · 359
- G. LAYUS. Collection as a suspension: how is profanation of money possible? · 390
- O. DAVYDOVA. "Direct cinema": commodification of idea of objectivity · 407

Введение

Предлагаемый вниманию читателей сборник посвящен осмыслению и обсуждению проблематики кредитно-денежных отношений в широком обществоведческом, философском и культурологическом контексте. Сборник стал результатом проведения IX ежегодной международной конференции Центра исследований экономической культуры, которая проходила на факультете свободных искусств и наук СПбГУ 26–28 апреля 2021 года.

Деньги — это одно из основополагающих явлений хозяйственной жизни и жизни вообще, важнейший элемент человеческой цивилизации, в связи с чем вполне естественно, что все, связанное с ними, издавна привлекает внимание мыслителей, представителей самых разнообразных научных дисциплин, как, впрочем, и философов, богословов, писателей, художников, да и всех думающих людей. Научные, богословские, художественные попытки изучения и интерпретации денег, кредита, процента многочисленны и составляют огромный пласт культуры. Авторы статей, включенных в данный сборник, попытались внести в соответствующую дискуссию свой вклад, причем сделав это в форме, которая будет доступна и интересна широкой читательской аудитории.

Включенные в сборник статьи тематически сгруппированы в несколько разделов. Первый посвящен философскому взгляду на деньги. Виктор Аронович Мазин обращает внимание на то, что деньги деньгам рознь

и значение их разное в зависимости от того семантического поля, к которому они прикрепляются; он рассматривает несколько смысловых изменений денег, опираясь на психоаналитический метод. Елена Анатольевна Иваненко указывает на то, что ответ на вопрос о том, какие свойства людей обеспечивают адекватное функционирование рыночной экономики, лежит в пока недостаточно исследованном проблемном поле экономики жертвы. Автор рассматривает феномен фиатности, переосмысленный как современный пример практик солидарности, присутствующих в социальном пространстве, и связанный как с конструктом денег, так и с конструктом жертвы. Марина Александровна Корецкая также обращается к проблематизации взаимосвязи трех концептов — жертва, жизнь и ценность. Григорий Львович Тульчинский обращается к семиотическому анализу феномена денег и констатирует множественность их знаковых функций в различных ценностно-нормативных контекстах культуры.

Во втором разделе представлены статьи, авторы которых обращаются к осмыслению природы денег. Александр Николаевич Дубянский рассматривает вопрос происхождения денег, исключительно важный для понимания сущности денег, во взаимосвязи с появлением новой формы денег — криптовалют. Он приходит к выводу о том, что общепринятая эволюционная теория происхождения денег с учетом новых реалий требует пересмотра. Вячеслав Анатольевич Ушанков, критикуя функциональный подход к определению денег, констатирует, что, выполняя функцию счета и учета, первые (счетные) деньги имели институциональную природу. Павел Антонович Терещенко анализирует взаимосвязь феноменов долга, отчуждения, процента и научно-технического прогресса, выделяя основу отчуждения и указывая на значение долга при попытках преодоления отчуждения.

Третий раздел посвящен современным формам денег и расчетов. Найджел Додд опирается на философию и практику универсального базового дохода, чтобы вновь поднять вопрос о природе денег. Крис Мондэй обращается к утопическим идеологиям, связанным с феноменом криптовалют. Андрей Павлович Заостровцев анализирует истоки, направления и причины так называемой войны с наличностью и обсуждает ее многочисленные издержки, указывая на сильные стороны наличных денег.

Рассмотрению денег и процента в исторической перспективе посвящен четвертый раздел сборника. В статье Екатерины Элиазаровны Гущиной представлен обзор взглядов францисканского теолога Франсеска Эшимениса, писавшего на каталанском языке, на ссудный процент и ростовщичество. Статья Даниила Евгеньевича Раскова посвящена наследию Джона Локка в части его взглядов на деньги и процент; автор приходит к выводу о том, что в работах Локка прослеживается общий для того периода переход от теологических и моральных аргументов к вопросам национальных интересов и экономической целесообразности. Денис Валентинович Кадочников обращается к обзору дискуссий, имевших место в 1940–1970-х годах в западном академическом и экспертном сообществе, относительно будущего международных денежно-кредитных отношений, в частности о перспективах и ограничениях развития Бреттон-Вудской системы. Взаимосвязь между деньгами и этикой, исследуемая на основе анализа взаимоотношений между Императорским вольным экономическим обществом (ИВЭО) и царской властью в дореволюционной России, — предмет статьи Павла Михайловича Лукичёва.

Завершающий, пятый раздел сборника посвящен осмыслению взаимодействия денег и искусства. Алек-

сандр Анатольевич Погребняк предлагает интерпретацию понятия «чистой подлости», которое Гоголь использует в «Мертвых душах», сопоставляя гоголевского «миллионщика» с «фамиллионером» Жака Лакана и связывая «чистую подлость» с фетишизацией «человеческого начала» в современной экономике, которая в реальности, по мнению автора, имеет нечеловеческий характер. Георгий Дмитриевич Лайус исследует коллекционирование как профанационную практику, способную вернуть деньги из области сакрального, в которой они сегодня оказались; исходя из параллелизма между деньгами и языком, автор указывает на профанационный и эмансипационный потенциал практики коллекционирования, которая, по аналогии с поэзией, понимается как демонстрация самой способности владеть, лишенной любой соотнесенности с целями. Ольга Сергеевна Давыдова, опираясь на теорию структурного закона ценности Жана Бодрийяра и аналитику рецепции «прямого кино» в критике и в теории кино, показывает, что этот кинематографический проект воплощает собой культурную логику капитализма и функционирует в поле симуляции.

Благодарим всех, кто на разных этапах помогал в сборе материалов и редактировании статей, — в особенности Александра Николаевича Дубянского, Георгия Дмитриевича Лайуса и Всеволода Михайловича Остапенко.

Редакция

Философия денег

Значение и различение денег

Виктор Мазин

Мазин Виктор Аронович (v.mazin@spbu.ru), кандидат философских наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Один из принципиальных тезисов статьи — деньги деньгам рознь, и значение их разное в зависимости от того семантического поля, к которому они прикрепляются, то есть от точки их пристежки, от того, что Лакан назвал *point du capiton*. Это положение аргументируется анализом памфлета Сергея Михалкова «Похождение рубля», в котором речь идет о различиях в судьбах советского рубля и американского доллара. Психоаналитический метод позволяет говорить о различных измерениях денег, *символических, воображаемых* и даже о циркуляции капитала от *реального*. В отличие от капиталистического дискурса в дискурсе психоаналитическом объект *a* выступает как тот несоизмеримый объект, который не позволяет тотализовать систему. В подтверждение тезиса о том, что деньги деньгам рознь, автор обращается к аналитической практике, в которой анализант расплачивается за сеанс своей валютой, которую Фрейд назвал невротической. Эта валюта также не является универсальной, поскольку у каждого анализанта она своя, и значение ее проясняется по ходу анализа: *у сингулярного субъекта — сингулярная валюта*. Примером служит «крысиная валюта» пациента, известного в истории психоанализа как Человек-Крыса.

Ключевые слова: точка пристежки; коммерческий психоз; воображаемые, символические, реальные деньги.

JEL: Z11, B29.

Деньги деньгам рознь

Мои рассуждения начинаются следующим тезисом: *деньги — универсальная разменная монета, но при этом нет универсальных денег.* Иначе говоря, деньги деньгам рознь. К такому тезису меня привело то, что, не сходя с места, мне довелось пережить три различных модуса отношения к деньгам, три разные системы символических координат. Иначе говоря, отношение к деньгам, их значение было различным в трех разных странах — в Советском Союзе, во времена перестройки, в Российской Федерации. При переходе из одной страны в другую значение денег менялось.

Начнем с далекого от нас Советского Союза. Деньги в этой стране были частью экономики загадочного *неэквивалентного обмена*, и значение их в жизни было второстепенным. Объясняется это особенностями советской экономики и идеологии. Особенность экономики заключалась в бессмысленности обладания деньгами, поскольку их невозможно было превратить в товары: вполне осуществимый предел мечтаний позднесоветского человека — квартира, дача, машина, но не две квартиры, две дачи и две машины, поскольку такое благосостояние указывало бы на нетрудовые доходы*. К тому же идеология университетского дискурса СССР мещанские мечтания не поощряла; советский человек должен был готовить себя к безденежному коммунизму. Об особенностях советской идеологии денег мы узнаем из сказки-памфлета «Похождение рубля», написанной в 1967 году со-

* Парадигматическим примером может послужить герой книги Ильфа и Петрова «Золотой теленок» (1931) Александр Иванович Корейко, который не может обнародовать свои десять миллионов рублей и влачит показное нищенское существование, соответствующее сорокашестирублевому жалованью.

ветским писателем Сергеем Михалковым, тем самым, кто написал слова для гимна Советского Союза (1943), а также Российской Федерации (2000).

В истории Сергея Михалкова повествование ведется от лица бумажного Рубля, родившегося, чтобы прожить богатую на события жизнь, переходя из одного кармана в другой. Первым был карман столяра. Этот уютный, теплый карман становится местом обретения символической идентичности. Рубль очень рад, что достался рабочему человеку как награда за труд: «Я настоящий трудовой Рубль! — с гордостью думал я» [Михалков 1971, с. 31]. Рубль, обратим внимание, говорит, думает, и мысль его авторизует символическую идентификацию с местом, рабочим карманом и именем. Его имя — Рубль (с большой буквы), и по происхождению он — настоящий и трудовой.

Следующим местом на путях циркуляции становится касса. 8 Марта столяр покупает гвоздики, и рубль попадает в цветочный киоск, где начинает постигать свою стоимость. Он понимает, что равен трем гвоздикам, он постигает свою эквивалентность: «Вот наша с тобой цена!» [Михалков 1971, с. 34]. Дело не только в экономическом расчете, но и в аффекте: Рубль рад тому, что заработавший его мужчина, чтобы сделать женщине приятное, купил ей цветы. Аффект усиливается за счет циркуляции. Его первое восклицание, первые слова: «Меня начали тратить!». Он не хочет, чтобы его пускали в рост, он не хочет, чтобы его накапливали вместе с ему подобными в некоем воображаемом хранилище, а точнее — в хранилище воображаемого, его желание — пребывать в состоянии траты, расхода, обмена.

По ходу циркуляции происходит интересующее нас в первую очередь событие, самое удивительное событие в жизни Рубля — встреча с другим, с другими деньгами. Случилось это так: шофер такси дал нашего героя на сдачу одному пассажиру, и Рубль попал

в толстый бумажник некоего господина. Вспоминая об этом событии, Рубль подчеркивает инаковость денег, с которыми он столкнулся. У них — иная идентичность, или, попросту говоря, у них не было ничего общего с Рублем. В толстом бумажнике — какого у настоящего трудового пассажира такси быть, разумеется, не может, — происходит такой диалог:

— Если я не ошибаюсь, мы имеем дело с советским Рублем? — громко произнес один из незнакомцев.

— Вы угадали, — сдержанно сказал я.

— В таком случае разрешите представиться! — продолжал незнакомец. — Все мы тут — американские доллары! Затесалось среди нас несколько французских франков, но они не в счет!

— Очень приятно познакомиться! — официально ответил я. Мне почему-то не понравился заносчивый тон Доллара и его явно пренебрежительное отношение к французскому Франку.

— Мы совершенно случайно попали в Москву, — продолжал Доллар тем же развязным тоном. — Надеюсь, что нас ни на что не истратят. Нам бы не хотелось тут задерживаться...

<...>

— Нас было несколько десятков тысяч, — охотно ответил второй Доллар. — Нас привезли для того, чтобы выплатить жалованье американским солдатам. Лично я достался летчику, и в первый же день мы полетели с ним на бомбежку. Мы вдребезги разбомбили школу, мост и несколько домов. Потом мой хозяин оставил меня в баре... А потом я очутился опять в Америке, но на этот раз в руках у одного черного. Бедняга не успел меня истратить. Его убили во время облавы...» [Михалков 1971, с. 36–37].

Так Рубль узнает о том, что деньги деньгам рознь, узнает о страшной судьбе Доллара. Впрочем, Дол-

лар своей судьбой вполне доволен, разве что попадание в Москву его смутило. Доллар мечтает вернуться на свою родину, в Долларию (термин Зигмунда Фрейда). Не забудем и о том, что свидетелем этого разговора был Франк. Пока Доллар с Рублем выясняли отношения, Франк занимал нейтральную позицию. Впрочем, как известно, дискурс нейтральных позиций не знает, так что место Франка все же — толстый бумажник. Рубль мечтает только об одном, чтобы его не увезли в этом самом пресловутом бумажнике вместе с его обитателями. Они принадлежат разным дискурсивным сетям циркуляции, они — неконвертируемы. Советская судьба улыбается Рублю: владелец бумажника покупает матрешку, и наш герой остается на Родине.

Рубль продолжает жить счастливой трудовой жизнью, путешествуя по родным местам — кошелькам, карманам и кассовым аппаратам: «Я никогда не расставался с людьми, но и не задерживался у них. Я находился в обращении» [Михалков 1971, с. 45]. Рубль поет гимн своей жизни, он славит свои имена, символические Имена-Отца: «Я назывался то зарплатой, то доплатой, то гонораром, то стипендией, то штрафом, то пенсией, то налогом, то выигрышем, то взносом, то премией...» [Михалков 1971, с. 46]. И вновь Рубль подчеркивает свой символический статус: он, возможно, и один, но имен у него много. Впрочем, получается, что он не один, и купить на него можно самые разные полезные вещи: хлеб, лекарства, мороженое, картошку, тетради, лотерейные билеты, книжки, пуговицы, шнурки, значки, рыболовные крючки, зубную пасту... Рубль — единица благого размена. Впрочем, не все так безоблачно.

В советской жизни тоже случаются неприятности. Рубль оказывается на прилавке пивного ларька: «Меня пропилили... Я твердо решаю ни с кем не знакомиться» [Михалков 1971, с. 44]. Вот что объединяет

Доллар и Рубль, вот она точка пересечения — их можно пропить! Дальше — хуже. У пропойцы дырявый карман: «Худшее, что могло со мной случиться, случилось: меня потеряли!..» [Михалков 1971, с. 45].

И все же у этой истории счастливый конец. Рубль спасает грядущее поколение: его находят в грязи мальчик и девочка. Он уже разорван на две половинки, но мальчик его спасает, сдает в сберкассу, где происходит перерождение: «И случилось чудо: в руках кассира я превратился в новый, блестящий серебряный Рубль! С одной стороны у меня сиял Государственный герб Советского Союза, а на другой стороне был изображен солдат с ребенком на руках...» [Михалков 1971, с. 51]. Реинкарнация завершилась. Бумажный Рубль обрел бессмертие. По меньшей мере ему так казалось.

Итак, возвращаясь к эпизоду в толстом бумажнике, повторим: значение денег — различно. Рубль и Доллар принадлежат разным символическим местам, разным дискурсивным пространствам. Значение денег зависит от того, какое положение они занимают в дискурсе, от того семантического поля, к которому они прикрепляются. Значение денег зависит от того, что Лакан называет *point du capiton*, *точкой пристежки*, или *пунктом крепления*. Капиталистические деньги и деньги социалистические различны. Их значение зависит от того, с каким полем означающих они сочетаются. Одно дело — цветы и труд; другое — эксплуатация и бомбы. Отношение к деньгам — разное. В этой связи вспомним вот какую историю: один американский гражданин как-то попросил у Юрия Гагарина автограф и протянул ему на подпись долларовую банкноту. Космонавт отказался ставить автограф на деньгах. Американец пытался его убедить стодолларовым номиналом купюры, приговаривая *it is very good*. Со словами *it is very bad* Гагарин вырвал из своей записной книжки листок и расписался на нем. Американец был разоча-

рован, что ему так и не удалось получить драгоценный автограф на драгоценной купюре*. Он не мог догадаться, что у денег может быть другая точка пристежки.

Точки пристежки останавливают скольжение означающих, скрепляя их с означаемыми, с определенными значениями. Это скрепление присуще, по Лакану, неврозу. При психозе эти точки пристежки изъяты. Означающие беспрепятственно скользят, циркулируют подобно капиталу. Можно ли остановить денежные потоки, закрепить их, скажем, за определенными карманами? Или их безумная — то есть психотическая — циркуляция неостановима? Рубль когда-то переходил из одного кармана в другой, а теперь?

Понятие точки пристежки отсылает, конечно же, к субъекту, к тому, как он выстраивает отношения между внутренним миром и миром внешним, между собой и другими, в том числе и посредством денег. Лакан говорит об особом капиталистическом дискурсе, и мы можем сказать, что деньги как стремящаяся к тотализации разменная монета занимают особенное место в экономике психической реальности. Вот мы и обратимся к трем измерениям денег с точки зрения борромеева узла, представляющего топологическую модель субъекта Лакана.

Деньги психической реальности

Согласно борромееву узлу мы можем говорить о реальных, символических и воображаемых деньгах. Это — «одни и те же деньги», но у них совершенно

* См.: [Денисов 1963]. Энди Уорхол в отличие от Юрия Гагарина расписывался на деньгах, и они тем самым становились произведением искусства. Здесь, впрочем, мы тоже видим критический жест: что обменивается на деньги? Автограф, удостоверяющий подлинность имени автора.

разные аспекты. Деньги не тождественны субъекту, а субъект не тождественен самому себе. Психоаналитический дискурс позволяет говорить о различных измерениях «одних и тех же денег», *символических, воображаемых* и даже о циркуляции капитала от *реального*.

1. Символическое измерение денег

Символический характер денег достаточно очевиден: наряду с речью деньги — единица обмена. Эта единица дифференцирует мир объектов в зависимости от их стоимости. Деньги выполняют разные функции. Они и средство обмена, и мера стоимости, и средство платежа, и эквивалент накопленного богатства. Деньги — эквивалент, но сами они эквивалента не имеют: «Общий эквивалент без эквивалента — все объекты можно перевести в него, сам же он не заменим ничем» [Долар 2021, с. 75].

Символическое измерение денег при господстве капиталистического дискурса проявляется в формуле: деньги — означающее субъекта, которое представляет его другим означающим, другим деньгам. Остается напомнить, что именно означающее — минимальная единица символического регистра. Капиталистический дискурс — счетная машина, рассчитывающая и пересчитывающая субъекта.

Основной принцип циркуляции денег сегодня — тотальная соизмеримость. Показательный эпизод мы находим в фильме Дэвида Кроненберга «Космополис», в котором миллиардер Эрик Пэкер, перемещающийся по Нью-Йорку в своем лимузине, встречается в нем со своим арт-дилером, которому задает вопрос о стоимости часовни Ротко. Будучи воплощением капитализма, биржевым спекулянтом, Пэкер не может понять, что есть нечто, не имеющее денежного эквивалента. Он не слышит слов дилера о том, что часов-

ня не продается. Вновь и вновь он повторяет: «Сколько? Сколько? Сколько?»

Финансовый капитализм безразличен ко всему, кроме своего единственного ориентира, единственного *идеала* — прибыли. Субъект при такой ориентации оказывается объектом рынка, объектом производства, потребления и финансовой циркуляции. Циркуляция, как кажется, принимает в силу соизмеримости всех объектов безостановочный характер. Ориентир соизмеримости дезориентирует. Тотальная соизмеримость выбивает деньги из символического регистра; мы не замечаем, как оказываемся в царстве воображаемого измерения, как попадаем в плен нарциссического регистра.

2. *Воображаемое измерение денег*

Воображаемые деньги — это деньги, обеспечивающие рост себя самого, расширение себя, распространение своего тела. Деньги — нарциссическое продолжение тела. Себя через деньги может становиться все больше и больше или все меньше и меньше. Здесь все пропорционально, все эквивалентно: чем больше денег, тем больше тело. Недаром на карикатурах толстосумы, как правило, изображаются с сидящим на толстых мешках толстым телом; и как мы помним, бумажники у них толстые. Впрочем, это образы начала и середины XX века.

На тему расширения денежного тела, конечно, не мог не высказаться Маршалл Маклюэн. Со ссылкой на британского историка Джорджа Бейли Сэнсома он пишет о проникновении денежной экономики в Японию XVII века, которая произвела революцию, приведшую к крушению феодализма и возобновлению отношений с другими странами после более чем двух столетий изоляции: «Деньги реорганизовывали чувственную жизнь народов именно потому,

что являются *расширением* нашей чувственной жизни. Это изменение несколько не зависит от одобрения или осуждения его теми, кто живет в данном обществе» (Маклюэн 2011, с. 23). Аффективная сторона денег вызвана расширением денежного тела. Деньги — живой организм, живой орган; обретение денег маниакально расширяет тело, а утрата — смерть денег — вызывает депрессию. Утратить денежное тело — встретиться со смертью.

Формула тотализации денег в данном случае: деньги — наше *всё*. Деньги — не фантомные конечности. Деньги — фантомное тело без органов.

Деньги помогают держать себя уверенно, держать себя в руках, владеть собой. Это «владение собой» и возвращает нас к вопросу о теле, а точнее, о том, что Фрейд назвал влечением владеть, кстати, с тем же оттенком власти, что и в немецком языке, — *Bemächtigungstrieb*. Это овладение, эта власть над собой осуществляется в анальном, нарциссическом, воображаемом регистре. Деньги выходят из тела и являются его, тела, продолжением. Деньги в теле — его, тела, капитал.

Основная работа, где Фрейд разрабатывает тему денег, — «Характер и анальная эротика». С анальной эротикой связано овладение телом и подчинение культурным нормам. В этой статье Фрейд проводит хорошо известную параллель между экскрементами и деньгами, если не сказать — устанавливает прочную связь нечистот, денег и нечистой силы: деньги — испражнения преисподней. Он соотносит архаическое мышление, мифы, сказки, поверья с бессознательным мышлением:

Известно, что золото, которое дьявол дарит своим любовницам, после его ухода превращается в нечистоты, а дьявол, разумеется, — это не что иное, как персонификация вытесненной бессознательной жизни влечений. Далее извест-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru